

Особое задание?

Да что же это за особое задание такое?

Наверно, задание как задание, а особым называется только для красоты. Чего в нём такого особого, в задании-то в этом? Уж наверное, ничего.

Так или иначе, а только однажды вечером...

Глава первая, в которой появляется Галоша

А только однажды вечером я очутился высоко в горах, на пограничной заставе. Конечно, я приехал сюда не просто так. У меня было задание написать рассказ про пограничников. Но только в этом задании ничего особого нет. Вот я пишу рассказ — что ж тут особого?

И вот я приехал на пограничную заставу. Голые горные вершины окружали меня, а на склоне горы, среди корявых красных камней, стояло несколько домиков. Это и была застава.

Меня встретил начальник заставы капитан Воронцов и отвёл в один из домиков, чтоб я мог отдохнуть и побриться с дороги.

— Отдыхайте и брейтесь, — сказал капитан. — Я скоро приду.

Я стал отдыхать и бриться, и, наверное, прошёл целый час, а капитан не возвращался.

Вдруг в дверь кто-то постучал.

— Кто там? — спросил я.

— Мне неудобно, — слышалось за дверью.

— Как — неудобно? — удивился я.

— Мне неудобно из-за двери фамилию называть, — сказали из-за двери.

Я глянул в зеркало и увидел свою совершенно обалдевшую от таких ответов физиономию.

Дверь между тем скрипнула, и как-то особенно скрипнула, даже вроде фыркнула — фррррр! — и в комнату вошёл солдат. На голове у него был поварской колпак.

— Здравствуйте, — сказал он. — Моя фамилия Галоша.

Он вдруг снял с головы колпак и подбросил его вверх, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

— Гмм... — сказал я. — Как же пишется ваша фамилия: Галоша или Калоша?

— Галоша, — сказал Галоша.

— Очень приятно.

— Я слышал, что вы пишете рассказ о пограничниках?

— Пишу.

— Так я расскажу вам одну историю, а вы пишете рассказ.

Эти слова меня здорово удивили. Я повнимательней поглядел на Галошу и увидел, что лицо у него самое обычное: нос, брови, глаза. Да, но при чём же здесь рассказ?

— При чём здесь рассказ? — спросил я. — О чём рассказ?

— Дело в том, что я повар, — быстро сказал Галоша. — Понимаете?

Он снял колпак и покрутил его в руках. Я заглянул внутрь колпака. Там, понятно, ничего не было. Я собрался с мыслями и сказал:

— Закуривайте, товарищ Галоша.

— Что вы! Что вы! — крикнул Галоша. — Потап унюхает!!!

— Какой Потап? — удивился я. — Какой такой Потап?

Что вы ваньку валяете?

— При чём здесь Ванька? — удивился теперь Галоша. — Ванька домой уехал!

Я уже ничего не понимал и глядел на Галошу, как сыч на сову. Тогда Галоша подбросил вверх свой колпак, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

— Итак... — сказал Галоша.

Глава вторая, в которой Галоша исчезает

— Итак, — сказал Галоша, — всю жизнь я мечтал быть поваром. Мне хотелось готовить супы, салаты, фрикадельки и морковные соусы. Не подумайте, что я обжора. Это — моё искусство. Вы сочиняете рассказы, а я сочиняю морковные соусы.

— Понятно, — сказал я. — Понятно. А кто такой Потап?

Галоша не ответил.

— Да... — вздохнул он. — Всю жизнь я мечтал быть поваром, и моя мечта сбылась. Когда я приехал на заставу, всех пограничников построили, и капитан спросил:

«Есть ли среди вас настоящий повар?»

«Есть!» — крикнул я и шагнул вперёд.

Ответ понравился командиру. Он сказал мне:

«Молодец!»

Так я стал поваром на заставе. Живём мы, сами видите, в горах. Служить здесь трудно и есть хочется ужасно. Но я варил такие супы! Строил такие котлеты! И все были мной довольны, и я тоже был доволен, потому что сбылась моя мечта.

Был я доволен месяц, был я доволен другой, а потом я перестал быть доволен.

Как-то раз готовлю я суп-пюре из тыквы, а сам думаю: «Что же это такое? Все пограничники как пограничники, а я повар. Они медали то и дело получают, а я поварёшкой размахиваю. Повар и повар, да ещё по фамилии Галоша. Обидно».

Вот как-то я дождался, пока капитан пообедает, и подошёл к нему:

«Товарищ капитан! Разрешите обратиться!»

И обратился. Так, мол, и так, поваром быть отказываюсь. Желая принести пользу Родине, охраняя государственную границу.

«Голубчик Галоша, — сказал мне капитан, — повар — важная фигура в пограничном деле».

Вот как мне ответил капитан. Что называется, отбрил.

Галоша замолчал и грустно покачал головой. А я посмотрел ему в глаза и увидел в них большую печаль.

— Товарищ Галоша, — сказал я, — а всё-таки, кто такой Потап.

Но не успел я задать этот вопрос, как где-то за окном грохнул выстрел. И Галоша тут же ударил себя по лбу.

— Ах я растяпа! — крикнул он. — У меня же соус подгорел!!!

Он вылетел из комнаты, хлопнув дверью, и крикнул напоследок:

— Прощай морковный соус!

Глава третья, в которой Потап никого не признаёт

«„Прощай морковный соус“? — удивился я. — Какой морковный соус? Это он меня, что ли, морковным соусом на звал? Ну нет, с Галошей с этим каши не сваришь. Во-первых, неясно, кто такой Потап, а во-вторых, что это за выстрел, который раздался за окном?»

Я вышел на крыльцо, чтобы узнать, откуда донёсся выстрел.

На улице был уже вечер. Горы потемнели. В небе гуляли тёмные полосы. Во дворе заставы не видно было ни одного пограничника. Только стоял пустой зелёный автомобиль.

«Эк ведь куда меня занесло! — думал я. — Вон там, за этой горой, — чужая земля. Здесь — наша, там — чужая. Удивительно!»

Я присел на ступеньку и задумался, разглядывая вечерние горы. Густые тени лежали уже в ущельях, а скалы, кажется, чуть шевелились в сумерках. Постой-ка, что это на скале? Человек? Или это померещилось?

— Эхе-хе, — услышал вдруг я. — Соус-то мой подгорел.

— Галоша! Это вы?

— Так точно.

Галоша присел рядом на ступеньку, а я всё разглядывал скалы, но не видел там никакого человека. Померещилось, значит.

— Закуривайте, — сказал я Галоше.

— Не могу, не могу, — сказал Галоша. — Потап унюхает!

— Тьфу ты! Совсем забыл про вашего Потапа.

Галоша помолчал немного, а потом снял с головы колпак и подбросил его вверх, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

— Ну вот, — сказал Галоша. — На границу командир меня не пустил, и я оставался по-прежнему поваром. И вдруг мне подвезло! Да! Мне подвезло, потому что уехал домой Ваня Фролов. Он уехал домой, а Потап остался беспризорным. Фролов-то был инструктор службы собак, а Потап — это наш лучший пёс!

— Ну, наконец-то! — сказал я. — А я-то думаю: кто такой Потап?

— Лучший пёс! И какой пёс! Грудь — колесом. Уши — столбом. Голова — булыжник, а на зубы смотреть страшно. А лапы! Мне бы такие лапы, я бы двухпудовые гири выжимал. Такому псу палец в рот не клади — мигом оттяпает!

И вот Потап остался беспризорным, и подойти к нему никто не может — всех перекусал! Подавай ему Фролова, а больше никого не признаёт.

Вот я слышу, командир говорит:

«Что делать с Потапом? Не ест, не пьёт и кусается. Пропадает пёс!»

Тут мне что-то в голову ударило.

«Как, — думаю, — пропадает? А я, Галоша, на что?»

— Ага! — прервал я рассказ повара. — Вот что, товарищ Галоша, давайте-ка пойдём в комнату. Что это мы на крыльце застряли? Слушать так слушать.

Глава четвёртая, в которой имеются сосиски

— Слушать так слушать, — сказал я, когда мы с Галошей вошли в комнату и сели у стола.

Галоша вздохнул, поглядел на часы и продолжал:

— Решил я с Потапом с этим подружиться. Человек я особый, пахну вкусно, и собакам это нравится.

Вот я положил в нагрудный карман две сосиски и пошёл к Потапу. Он жил в отдельном закутке в собачьем сарае. Прихожу и вижу: Потап лежит на полу скучный, только хвостом по полу

похлопывает.

«Привет!» — говорю.

Но Потап даже глаз не открывает. А хвостом хлопать перестал.

Тогда я достаю из кармана одну сосиску — Потап открывает один глаз. Достаю другую — открывает другой. Спрятал я сосиски — Потап глаза закрыл. Достал — снова открыл.

«Ну, — думаю, — всё, голубчик! Попался!»

Вот я говорю Потапу:

«Ты да я — нас двое. И сосиски две. Поделим по-братски».

С этими словами я стал свою сосиску есть, а другую в руке держу. Только один раз я откусил, и Потап облизнулся. А я нарочно медленно ем и так кусаю сосиску, что из неё сок брызжет.

«Ну и сосисочка! Какая сочная!» — говорю.

Пока я свою сосиску жевал, Потап совсем очумел, до того ему захотелось попробовать. Доел я сосиску, а вторую ему всучил — он её и проглотил!

«Ты да я, — говорю, — Потап, — нас двое. И две сосиски было. И съели мы их по-братски. Ты это, говорю, пойми!»

Тут я ушёл, а через час снова две сосиски принёс и ещё гитару.

Потап очень удивился, когда увидел гитару. Смотрит на меня и как бы хочет сказать: «Зачем ты гитару-то притащил? Мне и сосисок хватит».

А я сыграл ему на гитаре, угостил сосиской, и, конечно, Потап сделался моим другом.

Через несколько дней он ко мне совсем привык, и я вышел с ним погулять.

Вот мы гуляем во дворе заставы, а навстречу нам идёт рядовой Юра Молоканов. Увидел нас и рот открыл от изумления. А я говорю:

«Закройте поскорее рот, товарищ Юра Молоканов, а то ворона влетит!»

Глава пятая, в которой Галоша идёт в секрет — «Закройте поскорее рот, товарищ Юра, — толкую я. — А то, мол, ворона влетит!»

А Юра Молоканов стоит и только глаза на нас таращит.

Но вот он всё-таки закрыл рот и побежал докладывать командиру.

Гремя сапогами, командир выскочил на крыльцо и видит: да, мы с Потапом гуляем во дворе.

«Ну молодец!» — говорит тут командир и в тот же день отправляет меня с Потапом охранять

границу — в секрет!

С нами пошёл старшина Кошкин, слышали небось.

Волновался я ужасно — всё-таки первый раз шёл в секрет. А Кошкин увидел, что я волнуюсь, и говорит:

«Золотой мой Галоша, а не хотите ли вы поймать нарушителя?»

«Конечно, хочу».

«Держите карман шире», — говорит старшина Кошкин.

Вот пришли мы па место и замаскировались в кустах на краю большой поляны. Посреди поляны — озеро. За озером — граница. Рядом со мной — пенёк, за пенёком — Потап, в пенёке — телефон. Правда-правда! Там такая штучка имеется в пенёке, вроде как штепсель. Сунешь в неё провод от телефонной трубки — и с дежурным по заставе поговорить можно.

Замаскировались мы и лежим. Лежим час, лежим другой... Тишина. Никто не идёт через границу.

Глава шестая, в которой появляется халат

— Никто не идёт через границу. Тишина...

А мы лежим в кустах. Так вот, я лежу, рядом — Потап. Чуть подальше — Кошкин с автоматом. Зорко следит Кошкин: не идёт ли кто через границу? И я тоже смотрю, и Потап смотрит. Нет, никто не идёт.

На третьем часу у меня уже глаза устали. Одно и то же перед глазами: поляна, озеро, осока...

Осока?

Осока-то шевелится!

Не от ветра ли?

Нет, не от ветра — ветер не дует!

Смотрите-ка, по берегу человек ползёт!

В маскировочном халате!

А халат в серых, зелёных и коричневых пятнах, вот его и не видно!

Тут лоб у меня вспотел, а ноги похолодели. А он ползёт прямо на меня!

«Ну, — думаю, — ползи, халат! Ползи!»

Скоро он совсем близко к нам подполз. Я уже слышу, как он дышит.

Что делать?

Чувствую: нужно что-то крикнуть, а что крикнуть, не знаю. Забыл.

Вот он подползает так близко, что до него доплюнуть можно, я и говорю тогда:

«Попался, голубчик!»

И так хрипло это у меня получилось, как будто в горле была ржавая труба.

Ух, как он напугался! На колени встал и глаза выпучил, а меня не видит. И тут Потап выходит из кустов.

«Шарик, — говорит он Потапу, — это я, Рудик!»

А Кошкин кричит:

«Руки вверх!»

А он руки вверх не поднял, а стал ими по карманам шарить — пистолет искать, но тут Потап навалился на него и мигом обработал. И мы с Кошкиным подбежали, связали голубка.

«Пустите, — говорит он, — я ведь просто так».

«Ничего себе „просто так“, — думаю. — А зачем халат напялил и два пистолета в карман положил?»

Подошёл я к пеньку, звоню командиру — так, мол, и так. «Высылаю наряд, — говорит он. — Наблюдайте границу».

«Слушаюсь!»

Снова мы с Кошкиным замаскировались, а этого нарушителя — в кустики. Он и не пикнул.

И только мы успели всё это проделать, смотрю — другой ползёт!

— Бросьте! — не выдержал я. — Не может быть!

— Чтоб меня громом разразило! Точно! Второй ползёт и тоже в халате!

«Ну, — думаю, — попёрло-то!»

Вот он подползает, и Кошкин кричит: «Стой!» А я Потапа выпускаю. У, Потап! Страшный пёс! Вскочил ему на спину, пасть разинул — ужас! Мы с Кошкиным подскочили и только успели этого связать...

— Третий ползёт? — не выдержал я.

— Нет, — сказал Галоша и посмотрел для чего-то на часы. Третьего не было.

— Жаль, — сказал я. — Хорошо бы, если б был третий.

— А вы придумайте, — сказал Галоша. — Когда будете рассказ писать, вы придумайте, что был третий, и дело с концом.

— Посмотрим, посмотрим... — сказал я. — Придумать можно всё, что угодно.

Глава седьмая, в которой Галоша становится красным как рак

— Придумать-то можно всё, что угодно, — сказал я. — Интересно, что было на самом деле.

— А вот что, — сказал Галоша. — Не успели мы второго обезоружить — подоспел наряд, высланный капитаном.

— И всё?

— Так точно.

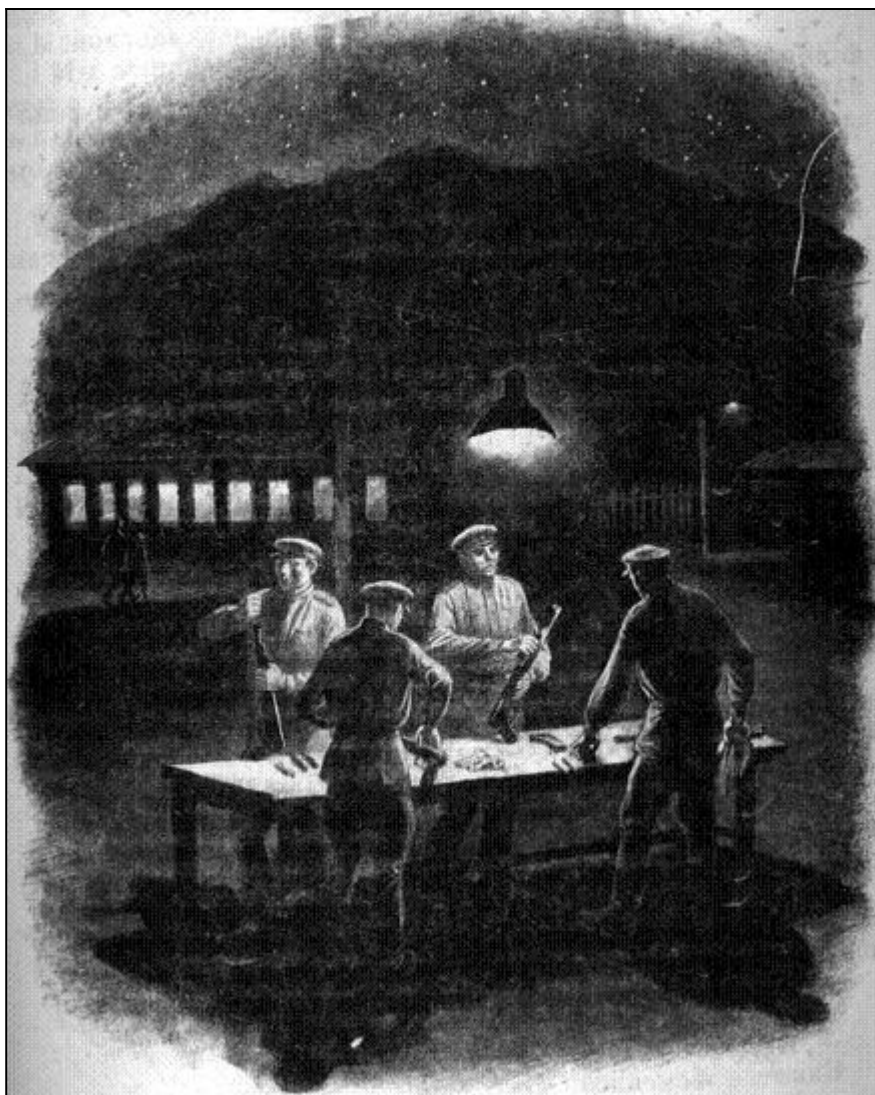
— Ну, спасибо вам, товарищ Галоша. Мне очень понравился ваш рассказ. Я сейчас запишу его в записную книжку. Может быть, вы хотите что-то добавить?

— Да нет, — сказал Галоша и опять посмотрел на часы. — Добавлять особенно нечего.

Тут он снял с головы колпак и подбросил его вверх, и не успел ещё колпак надеться ему на макушку, как дверь открылась, и в комнату вошёл капитан Воронцов.

— Товарищ капитан! Разрешите доло...

— Вольно! — сказал капитан. Капитан поглядел, что у меня записная книжка, и сказал: — Собираете материал для рассказа? — Да вот, — сказал я, — хочу записать кое-что о подвигах товарища Галоши. — О подвигах? — удивился капитан. — Это о каких же? — Как — о каких? — удивился теперь я и стал пересказывать капитану то, что слышал. — Ай-яй, — сказал капитан. — Что это вы, товарищ Галоша, сочиняете? Галоша сильно покраснел и сказал: — А что же, товарищ капитан, разве и приврать нельзя? — Нельзя! — Слушаюсь! — Можете идти, — сказал капитан, и Галоша, красный как рак, вышел за дверь.

Глава восьмая, последняя

Красный как рак Галоша вышел за дверь, а мы с капитаном закурили.

— М-да, — сказал я.

Капитан промолчал.

— Отъявленный врун ваш Галоша.

— Приврать он любит. Зато повар хороший.

— На границе и повар не должен зря болтать. Это никуда не годится.

Капитан Воронцов кашлянул.

— Ладно, — сказал он. — Придётся открыть секрет.

— Что такое? — удивился я. — Какой секрет?

— А вот какой. Сегодня на границе сложилась трудная обстановка. Понимаете? Нам нужно было, чтобы вы посидели пока дома. Вот я и дал товарищу Галоше особое задание отвлечь вас, рассказать что-нибудь.

— Трудная обстановка? — удивился я. — Что же это за обстановка такая?

— А это секрет, — ответил Воронцов. — Военная тайна. Пойдёмте-ка лучше ужинать.

На улице была уже ночь. Во дворе заставы на невысоком столбе горел фонарь. Под его светом несколько пограничников чистили автоматы.

«Трудная обстановка, — думал я. — Значит, и выстрел, который я слышал, был неспроста. И, может быть, человек, который померещился мне на скале, был нарушитель!»

— Вообще-то, — сказал капитан, — всё, что рассказал Галоша, было на самом деле с Кошкиным и Молока-новым.

— А насчёт сосисок?

— Насчёт каких сосисок? — удивился Воронцов.

— Ну, насчёт Потапа, — объяснил я.

Капитан засмеялся:

— Это тоже правда. Галоша сумел подружиться с Потапом, а потом приучил его работать с Молокановым. Кошкин и Молоканов задержали двух нарушителей.

Мы вошли в столовую. Там, за окошечком в деревянной стене, стоял Галоша. Увидев меня, он снял с головы колпак и подбросил его вверх, да так ловко, что колпак наделся прямо ему на макушку.

— Прощу, — сказал Галоша.

Он поставил на стол несколько тарелок, и мы стали ужинать, а когда поужинали, капитан спросил:

— Ну, как ужин? — Отлично! — ответил я.

— Выходит, наш Галоша молодец?

— Пожалуй.

После ужина капитан повёл меня в дежурную комнату. Там стояли два пограничника, а рядом сидел огромный пёс. Действительно, замечательный пёс! Я увидел, что грудь у него крепкая, как у волка, и уши — столбом. Это был Потап.

— Приказываю выйти на охрану государственной границы, — сказал капитан Воронцов. — Отправитесь по дозорной тропе на левый фланг нашего участка...

Ваша задача: не допустить нарушения границы!

— Есть не допустить нарушения границы! — ответил старшина Кошкин и вышел на улицу.

Следом — Молоканов и собака Потап.

С крыльца я видел, как они прошли перед освещёнными окнами заставы и пропали в темноте.

